

Грамота № 601 найдена на Троицком раскопе, в квадрате 453, на уровне пласта 15 (глубина 2,80—3,00 м), в ярусе 15 или 16 Пробойной улицы. Это документ, утративший последнюю строку (или последние строки); верх первой строки обгорел, но текст в ней читается полностью:

†посадникоу лда--а зса--поекоу но за довое атре
 те ее во за ле за ме хо и за по по не екоу но бо ло не
 да: кн яг ни не да ни де са те гр ив ен о за дв ое
 са ни по бе ко у но за ме хо и за дв ое по не бе ко у но: а
 ста ни сла во у со др оу гм о з гр ив ен о а кр ыт ен ое до ве ко у
 -е нг ри ве на-----

Длина 26 см, ширина 4,8 см.

Стратиграфическая дата: конец XII—первая четверть XIII в. Наиболее характерным палеографическим признаком этого времени является увеличение нижней части буквы В при уменьшении ее верхней части, сочетающееся с сохранением прямолинейных начерков этой буквы. Почерк изящен и тверд, отличаясь индивидуальностью. Автор любит утрированные отсечки, снабжая ими буквы С, Е, Т, титлы. Так же утрировано используются крышки, покрывающие А, Л, Д; иногда они используются и для украшения буквы М. Позиции текста отделены в одном случае троеточием, в другом — двоеточием. По сторонам текста оставлены аккуратные поля. Все это говорит о несомненном профессионализме писавшего.

Грамота разделяется на слова следующим образом:

†Посадникоу 30 да(ни), а за са(ни) по 5 коуно за довое, а третее возале, а за мехо и за 3 попоны 5 коуно, а боле не дае. А княгнине дани десате гривено, а за двое сани по 5 коуно, а за мехо и за дове п(о)поны 5 коуно. А Станиславоу со друогмо 7 гривено, а крытеное дове коу(н)е и гривена. . .

Какие-то суммы упоминались и в дальнейшем тексте, так как ближе к концу нецелевшей строки сохранилось титло.

В грамоте фигурируют различные суммы денег, следующие посаднику и Станиславу «с другом». Эти суммы расписаны по сметным статьям, и первой из таких статей называется «дань». Коль скоро с «данями» связаны не только посадник, но и княгиня, трудно предположить, что речь здесь идет о податях. Источники не знают особой подати в Новгороде, которая назначалась бы княгине. Поэтому под «данями» следует понимать даяние, дар, вклад, форму материального участия или компенсации. В подобном смысле это слово неоднократно употребляется в древнерусских текстах.

Посаднику следует дани 30. Надо думать, что здесь подразумеваются гривны, фигурирующие и в дальнейшем тексте как единица исчисления «дани». Кроме того, ему положено по 5 кун за двое саней и 5 кун за «мех» и за три попоны. Вряд ли под «мехом» можно понимать пушнину: слишком незначительна та сумма, которой оценены и «мех», и три попоны. Слово «мехъ» в известных текстах гораздо чаще употребляется для обозначения мешка. Слово «попона» (покрывало на лошадь) встречалось в берестяных грамотах № 65 и 78, и это дало А. В. Арциховскому повод обратить внимание, что прежде оно было в древнерусских текстах известно лишь применительно к слонам (у Афанасия Никитина). В рассматриваемой фразе подразумеваются еще третьи сани, за которые денег не положено, так как их «возале», т. е. взял (надо думать, владелец). Компенсация за мешок и три попоны, по-видимому, не очень щедра, но «боле не дае», т. е. больше не дает.

Изложенную первой фразой грамоты ситуацию возможно понимать только так: кто-то вознаграждает посадника 30 гривнами «дани» и расплачивается с ним за взятые у него сани, мешок и попоны. У посадника было взято трое саней; за двое улачиваются деньги, а третьи возвращены их владельцу.

Кроме этих сумм, посаднику следует княгининой «дани» 10 гривен, по 5 кун за двое саней и 5 кун за мешок и две попоны (ошибочно написано «ппоне»). Идентичность позиций оплаты в первом и во втором случаях дает возможность догадаться о личности первого участника расплаты, дающего «дани» вдвое больше, чем княгиня. Это скорее всего князь.

Еще два человека оказываются получателями называемых в грамоте сумм: Станислав «со друогмо», с другом, что может быть переведено и как «с товарищем», и как «со слугой». Им следует 7 гривен, а кроме того, «крытное» в размере 2 кун и гривны.

Мне представляется, что понимание смысла грамоты дает слово «крытное». Оно до сих пор не встречалось в древнерусских текстах. Однако его этимология достаточно прозрачна. «Крыти» — покрывать, но также скрывать, прятать, хоронить, поскольку «крытися» — скрываться, прятаться, хорониться. По-видимому, это слово идентично «съкрыти», среди значений которого есть не только прятать, но и зарыть в землю. Под «крытным», следовательно, возможно понимать «погребальное».

Такое толкование находит неожиданное подтверждение в имени получателя за «крытное» — Станислава. Новгородская I летопись, описывая события первой трети XIII в., знает Станислава, упомянутого в ней под модифицированной формой этого имени как Станило. В 1230 г. во время повального мора в Новгороде «вложи бог в сердце благое створити архиепископу Спиридону: и постави скуделницу у святых Апостол, в яме, на Прусской улице; и пристави мужа блага и смирена, именем Станилу, брат Домажиров, иконнаго писца, возити мертвица на коше, где обоидуше по граду; и тако беспристанн по вся дни влачаше, и наполни до верха, еже бысть в ней числом 3000 и 30»⁸². Но в этой цитате из летописи содержится и двойное подтверждение высказанному толкованию. Берестяной документ с именем «погребальщика» Станислава (Станилы) обнаружен на усадьбе Олисея-Гречина, распорядившегося в иконописной мастерской; Станислав же — родной брат иконописца.

Итак, я понимаю грамоту № 601 как некий реестр расходов князя и княгини на некие похороны, которые, надо полагать, по их поручению, были организованы посадником. В рассматриваемое время в Новгороде лишь однажды возникала необходимость организации похорон в княжеской среде. В 1198 г. «весне преставистася у Ярослава сына 2: Изяслав бяше посажен на Луках княжити и от Литвы оплечь Новугороду, и тамо преставися; а Ростислав Новегороде; и оба положена у святого Георгия в монастыри»⁸³. М. К. Каргер в 30-х годах в ходе археолого-реставрационных работ в Георгиевском соборе Юрьева монастыря вскрыл это двойное погребение с остатками детских костяков (Изяславу было в момент смерти восемь лет, а Ростиславу — шесть) у южной стены внутри собора⁸⁴.

Полагаю, что грамота № 601 написана сразу же после погребения княжичей и содержит расчет вознаграждения организатору похорон — посаднику и Станиславу (Станиле). Нам хорошо известна дальнейшая судьба князя Ярослава Владимировича, изгнанного в 1199 г. из Новгорода, и его жены, основавшей после смерти детей Михалицкий Молотковский монастырь в Новгороде и умершей 24 декабря 1199 г. уже во Владимире, где она была похоронена в Княгинином монастыре⁸⁵. Не исключено, что и сооружение Спас-Нередицкой церкви, пачавшееся сразу же после смерти княжичей, имело мемориальный характер.

Однако такая трактовка документа определяет и имя посадника. В 1198 г. в Новгороде посадничал Мирошка Нездинич, и это обстоятельство возвращает нас к тексту берестяной грамоты № 502, написанной Мирославом и адресованной Олисею-Гречину. Тогда в высшей степени предположительно Мирослав был идентифицирован с Мирошкой. Теперь мы видим, что в письме, найденном на усадьбе у перекрестка Черницыной и Пробойной улиц Людина конца, встречаются упоминание посадника и имя человека, который, будучи братом иконописца Домажира, более чем вероятно, жил на усадьбе Гречина. Напомню, что и найденная здесь же берестяная грамота № 600, как показывает анализ ее текста, также адресована посаднику. Не лишним поэтому будет упомянуть, что в 1191 г. церковь Нерукотворного Образа, расположенная в самом непосредственном соседстве с местом раскопок, была сооружена Въездом Нездиничем⁸⁶, в котором легко угадывается брат Мирошки Нездинича.

⁸² НПЛ, с. 277.

⁸³ НПЛ, с. 44, 237.

⁸⁴ Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933—1935). — Советская археология, 1946, VIII.

⁸⁵ ПСРЛ. СПб., 1885, т. 10, с. 32.

⁸⁶ НПЛ, с. 39, 230.

Еще одно пересечение ряда интересующих нас имен имеется в Новгородской I летописи при описании событий начала 1208 г., последовавших за свержением с посадничества и смертью сына Мирошки Нездипича — Дмитра. После прихода на новгородский стол в мясопустную неделю (10 февраля) князя Святослава Всеволодовича «целоваша новгородци честными хрест, око „не хотим у себе държати дитии Дмитровых, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловиця и Овъстрата Домажировиця“; и поточи я князь к отцю, а на инех серебро поимаша бещисла»⁸⁷. Здесь в числе «дитии» Дмитровых фигурируют двоюродные братья Твърдислав Станилович и Овстрат Домажирович, соответственно сыновья Станилы и Домажира. Известна дальнейшая судьба сына Домажира. В 1215 г. «убиша пруси Овъстрата и сын его Луготу, и въвъргоша и в греблю мъртв; князь же (Ярослав Всеволодович. — В. Я.) о томъ пожали на новгородце»⁸⁸.

Если приведенные выше сопоставления правильны, то уничтоживший усадьбы на перекрестке Черницыной и Пробойной улиц пожар, возможно, следует датировать не 1209 г., когда горел весь Людин конец⁸⁹, а 1207 г., так как во время восстания против Мирошкиничей «идоша на дворы их грабежьмь, а Мирошкин двор и Дмитров зажьгоша, а житие их доимаша, а села их распродаша и челядь, а скровища их изискаша и поимаша бещисла, а избытък розделиша по зубу, по 3 гривне по всему городу, и на щит; аще кто потаи похватил, а того един бог ведает, и от того мнози разбогатеша; а что на дъщъках, а то князю оставиша»⁹⁰. Восстановление застройки на этом участке началось только в 1213 г., и столь долговременное запустение, возможно, объясняется именно таким решительным разорением боярской семьи.

Любопытно, что среди немногочисленных избыточных текстов Синодального списка Новгородской I летописи, большинство которых отражает события локальной истории Людина конца, где составлялся Синодальный список, имеются четыре заметки о рождении детей князя Ярослава Владимировича, вовсе не повторяющиеся в других летописях⁹¹. Под 1189 г.: «родися Новегороде у Ярослава дъци княгыни на Рожьство богородици»; под 1190 г.: «родися Новегороде у Ярослава сын Михаил, а княже имя Изяслав, а вьнук Володимирь»; под 1191 г.: «тъгда же родися у князя сын у Ярослава»; под 1192 г.: «родися в Новегороде у Ярослава сын Ростислав»⁹². Имелись какие-то особые причины у летописца, писавшего в этом районе Новгорода, фиксировать эти события. И нет ли связи между этим интересом и тем обстоятельством, что боярская семья Людина конца в конечном счете оказалась причастной к погребению княжичей — сыновей Ярослава?

Грамота № 602

Грамота № 602 найдена на Троицком раскопе, в квадрате 470, на глубине 3,03 м, в ярусе 16 Пробойной улицы. Это целый документ:

Димитриа хръстинъ а на дрѣгои евана, Марие . А на третиеи евана
а на четвѣртонскѣмь конѣ

Длина 45,4 см, ширина 2,5 см.

Стратиграфическая дата: конец XII в. Палеографические особенности соответствуют этому времени. Из индивидуальных особенностей почерка отмечу написание В, которое автор пишет, как К, с добавлением сверху и снизу замыкающих горизонтальных черточек.

Грамота легко делится на слова:

Димитриа, Хръстинъ. А на дрѣгои Евана, Марие. А на третиеи Евана. А четвѣртон Сьмьбона.

⁸⁷ НПЛ, с. 51, 248, 249.

⁸⁸ НПЛ, с. 54, 253.

⁸⁹ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника. . ., с. 38, 42.

⁹⁰ НПЛ, с. 51, 248.

⁹¹ Янин В. Л. К вопросу о роли Синодального списка. . ., с. 171—174.

⁹² НПЛ, с. 39—41.